Д. Д. [illegible]

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХРОНОЛОГИИ БАШЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Горную Ингушетию по праву называют Страной башен. Как правило, каждый горный ингушский аул, а их здесь более 100, представляет собой комплекс средневековых многоэтажных жилых и боевых башен, разнообразных святилищ, надземных, полуподземных и подземных склепов. Архитектурным памятникам Ингушетии уделено в специальной литературе много внимания. Разработана типология этих объектов и дана их относительная периодизация (Семенов, 1963; Щеблыкин, 1928; Крупнов, 1971; Марковин, 1969). Исследователи единодушны в том, что древнейшими из известных монументальных сооружений являются жилые башни - г/ала. По мнению видного историка-кавказоведа Е.И.Крупнова, время сооружения наиболее архаичных г/ала из сохранившихся до сих пор относится к XII-XIV вв. н.э. (Крупнов, 1939). Отсутствие же находок каменных жилищ домонгольской эпохи в Горной Ингушетии объясняется, по мнению исследователей, использованием строительного материала (камня) разрушающихся построек для строительства новых жилищ или перестройки старых. Эта мысль подтвердилась при обследовании камней с петроглифами. Оказалось, что в большинстве случаев они были использованы в кладке вторично, т.е. они уже находили применение в более древних постройках (Кобычев, 1973).

Насколько более древних? Некоторые аспекты этого очень сложного и очень важного для местной истории вопроса мы попытаемся осветить в данной работе с привлечением топонимического материала края.

В системе географических названий Горной Ингушетии выделяется небольшая группа ойконимов, рассмотрение которых позволит, по-нашему мнению, дать представление об относительной давности заложения некоторых башенных поселений.

Наиболее интересным для раскрытия нашей темы представляется этимология ойконима ЙОВЛА. В настоящее время так называется заброшенный башенный аул в верховьях р. Ассы в 3 км. восточнее знаменитого храма Тхаба-йерда. Некогда этот аул представлял собой мощный замковый комплекс из жилых и боевых башен, охваченных единой оборонительной стеной. Йовла считается одним из древнейших поселений Горной Ингушетии, о чем говорят не только руины древних башен, но и наличие здесь целого "городка мертвых" из 13 разнотипных и разновозрастных склепов. Поселение принадлежало фамилии Евлоевых.

Фамилия Евлоевых по мощи и древности происхождения рода успешно соперничала с известнейшими родами Ассиннского района, "древнейшего культурного очага не только Ингушетии, но и всего Северного Кавказа" (Крупнов, 1971, С. 169). О древности заселения Йовла косвенным образом говорит то, что увеличившееся население этого села произвело выселки и образовало несколько крупных башенных поселений (Ний, Мусиево, Пялинг), что оказалось по силам разве что еще одному роду - роду Хамхоевых из башенного аула Хамхи - одного из признанных центров материальной культуры древней Ингушетии.

Наличие в Йовла древнейших погребальных сооружений типа подземных склепов, хронологически относящихся к VI-X вв. н.э. (Крупнов, 1971, С. 80), позволяет нам считать населенным это место никак не позже указанного времени. Можно считать, что с VI-X вв. н.э. Йовла начинает набирать людскую силу, избыток которой мигрировал в восточном направлении. Характерно, что если основание евлоями аула Ний происходило, по свей вероятности, по принципу заимки свободных земель, то колонизация местностей Пялинг и Мусиево происходила при определенном противодействии соседей. Об этом говорят родовые предания как самих Евлоевых, так и Полонкоевых и Оздоевых, на землях которых стоят замковые комплексы первых. Автору этих строк, выходцу из рода Евлоевых, приходилось слышать от отца Идриса Газиевича (1904 г. рожд.) и других родовых старейшин

о неприязненных отношениях, существовавших между родом Полонкоевых, основавших с. Пялинг, и Евлоевыми, заложивших здесь башенный замок, описанный известными учеными-кавказоведами Л.П.Семеновым и Е.И.Крупновым (Семенов, 1963; Крупнов, 1971).

Башенное поселение Мусиево (Мусий къонгий-юрт), также, как и Ний, было заселено одними евлоями (потомками Муси). Село расположено на землях Оздоевых, в преданиях которых сейчас утверждается о, якобы, добровольной уступке, что, конечно, маловероятно, учитывая сильный земельный голод в горах уже к моменту образования указанного села. Так, в данном районе на небольшой площади в радиусе 2-3 км. расположены такие крупные в прошлом башенные поселения, как Мяхши, Мохул, Цызди, Ангете, Карбите, В. и Н.Меллерие, Цхаралтие. О том, что ко времени экспансии рода Евлоевых свободных земель в округе не было, свидетельствует этимология самого названия местности ЙОВЛА. Еще лет 60-70 тому назад это слово было обиходным в ингушском языке в значении "бездомный" (Мальсагов, 1963; Ужахов, 1927; Генко, 1930), и являлось антонимом слова "овла" - "корень", "аул", "населенный пункт". "Бездомный" по отношению к местности нужно понимать и как "ненаселенный". На первый взгляд, до неправдоподобного странно именовать "йовла" местность, расположенную в самом центре исторической Ингушетии, в окружении таких густонаселенных очагов древнейшей культуры, как Таргим, Хамхи, Эгикал, Тхаба-йерды, Цори и др. И это при наличии здесь 10-12 га плодородной пахотной земли (настоящий клад для Горной Ингушетии во все времена!), прекрасных альпийских лугов, богатого древостоя, обильных родников и незамерзающих речек. И тем не менее за местностью прочно закрепилось название Йовла - "бездомная", "ненаселенная". Ясно, что название вызвано к жизни необычностью ситуации. В чем же дело? Где разгадка этого местного феномена? По нашему мнению, Йовла долгое время оставалась незаселенной по двум обстоятельствам: во-первых, в силу географических особенностей местности и, во-вторых, - из-за уровня развития строительного дела древний вайнахов.

Йовла представляет собой межгорное плато, лежащее на высоте 1360 м. над уровнем моря. Плато имеет форму очень вытянутого с востока на запад треугольника, основание и южная сторона которого переходит в невысокий и лесистый дугообразный хребет. Острой вершиной, обращенной на запад, плато открывается в узкое дефиле, образуемое острогом хребта Скалистого и вышеуказанным дугообразным хребтом. благодаря сближению здесь горных отрогов,

стоящих на пути господствующих юго-восточных ветров, скорости ветров значительно усиливаются, временами достигая ураганной силы. Происходит это обычно в период весенне-летнего сухостоя (апрель, июль). Автор около двух десятков лет тесно связан с районом исследования и может засвидетельствовать, что ничего подобного по силе эмоционального воздействия природы не переживал. Жуткое впечатление производит не столько сила ветра, сколько непредсказуемость его поведения: то он умерен и тих, то почти исчезает на плато и лишь играет листвой окружающего леса, то вдруг короткий как хлопок порыв такой силы, что чуть не валит с ног, и когда кажется, что наступает опять затишье, накатывается ураган необычайной силы и все давит, давит, создавая гнетущее впечатление безысходности и бесконечности этого иссушающего душу ада.

Думаю, что такая подробная географическая характеристика не оставила у читателя сомнений относительно того, почему Йовла долгое время оставалась бездомной в буквальном смысле. Конечно же, незаселенность не означает того, что Йовла была исключена из хозяйственного использования окружающим населением. Плато имеет отличный травостой, источники водоснабжения (родники, речки) и, следовательно, как прекрасное пастбище могло входить в хозяйственный расчет определенного круга местного населения. Какого и как - это тема другого исследования. Нам же важно уяснить, что местность, в силу своих географических условий оставалась "бездомной" долгое время. Так долго, что на фоне заселения всех, по крайней мере, ему подобных земель, за Йовла прочно закрепилось это название. Это могло продолжаться лишь до тех пор, пока строительное искусство местного населения не достигло качественно нового уровня, позволившего проивопоставить неуемной стихии новые способы строительтва и новые строительные материалы. Этим уровнем стал переход древнего населения края на строительство жилищ из камня.

Сегодня никого не оставляет равнодушным вид мощных башенных комплексов - г/алан; поражают простотой и изяществом величественные боевые башни - в/оув. Даже мертвым возведены здесь целые городки изумительных по красоте погребальных сооружений. Но начиналось это со строительства редких каменных жилищ, что сразу же фиксировалось местным населением в неброских, но очень выразительных названиях типа Каштамие (Каштам), т/мг-ие (Тумгой), Хьули (Гули), Коьшке (Кошк), г/аппи (Гапи), Гаьнтие (Гент), Наькистие (Някист) и др. Таких ойконимов немного

(около 10% от общего числа), но их этимология проливает свет на некоторые особенности первых каменных поселений.

Селение *Каштамие* расположено на восточном склоне горы Заглыдукь (Клин-хребет). Здесь же в 1 км. восточнее находятся развалины баш. аула Тум Гие. В основе обоих ойконимов просматривается тюркоязычное ТАМ в значении "дом"; "стены, сложенные из прочного материала" (Мурзаев, 1974). Характерно, что в первом случае уточняется, из какого "прочного материала" (*каштам* - "каменный дом").

Полная этимология ойконима Каштамие - "каменного дома место" (*-ие* формант направит. падежа) (Чокаев, 1964). мы склонны видеть здесь отражение исторического факта: существование в округе (а может быть и в регионе) первого каменного дома. Надо полагать, еще примитивного, так как уже в следующем, этимологически близком названии - *хьули*, отражены особенности каменного строения, характеризующие некоторый рост строительного искусства местного населения:

Хьули (от тюркояз. *Хаули*) - это уже "дом-усадьба" (Толстов, 1962) или даже "крепость" (Абдимуратов, 1970). Интересно, что в одном из ранних документов царской администрации это название зафиксировано как Хаулай (Мартиросиан, 1928), т.е. очень близко к оригиналу.

Еще более высокий качественный уровень строительного дела отражен в названии *Коьшк* (*Кешк*). По мнению А.З.Розенфельд (Розенфельд, 1951), семантика этого слова соответствует термину *кала*, *курган* или *курган*ча в понятии "крепость". В.В.Бартольд дает несколько значений термина *Кешк*: 1 - одно из зданий дворца (каха - князя); 2 - небольшие укрепления, башни в горных деревнях (по примеру совр. Афганистана); 3 - башня; 4 - укрепленное жилище князя или представителя высшей земледельческой аристократии, соответствующей арабскому термину *каср* (Бартольд, 1927). Этимология ойконима Коьшк дает очень важную информацию о социальном расслоении древнего населения той эпохи. До настоящего времени местные жители сохраняли предание о принадлежности башенного поселения Коьшк некоему беку, который имел здесь даже тюрьму, где содержал ясырей (пленных рабов).

Очевидно, на первых порах строительство трудоемкого каменного жилья было по силам лишь отдельным состоятельным семьям, по ряду причин выделившимся из состава местного населения. Этимология таких ойконимов, как Каштамие, Т-умг/ие, Коьшк, Хьули, Эгикхала (крепость Эги), дает, по-нашему мнению, информацию о

социальной дифференциации насельников Горной Ингушетии еще на заре появления каменных жилищ.

Относительно ранним мы считаем и другие ойконимы края, так или иначе отражающие признаки каменного строительства: Г/аппи - "крепость, обнесенная стеной"; Гаьнтие - "город, усадьба"; Дошхьакхале - "каменистого места крепость, поселение"; Наькист-ие - "место девяти жилищ, хозяев".

Этим исчерпывается число ойконимов Гороной Ингушетии, в которых отражены признаки каменного строительства, и появление которых знаменует собой начало эпохи каменного зодчества. Мы теперь знаем, что расцвет этого искусства привел в конце концов к выдающимся творениям средневековых архитектурных ансамблей, принесших Горной Ингушетии сегодня всеобщее признание башенной страны. На сравнительно небольшой площади здесь сосредоточено более 100 башенных поселений. Тем характернее, что только девять из них (менее 10%) так или иначе получили свое отражение в названиях. Это была пора первого знакомства с каменным жильем местного населения, время строительства башен представителями класса имущих, пока еще весьма ограниченного в массе. В дальнейшем широкое развитие каменного строительства положило конец исключительности этого являения, что, в свою очередь, перестроило отношение людей к подобного рода событиям. Теперь уже башенные поселения стали получать свои названия исключительно в соответствии с географическими реалиями их расположения.

Этимология ойконимов, отражающих признаки каменного строительства в Горной Ингушетии: 1 - позволяет считать, что наиболее ранние строения появились в Каштамие, Т/умгие, Хьули, Коьшк, возможно, в Г/аппи, Гаьнт/ие, Эгикхала, Дошхьахале, Наькист/ие; 2 - постоянные жилища на плоскогорье Йовла в силу географических условий появились лишь с освоением окружающим населением камня как строительного материала для жилищ; 3 - в соответствии с историческими реалиями, подкрепленными семейными преданиями, выходцы из Йовла образовали башенные поселения Нии, затем Муси-Кьонгий Юрт и замковый комплекс в с. Пялинг и, следовательно, являются более поздними по отношению к Йовла; 4 - пример Йовла показывает исследователю местной истории, сколь важно знать в деталях исторические и географические реалии края.

Проблема конкретной датировки башен Горной Ингушетии давно является темой многочисленных исследований. Тем не менее

хронологические аспекты башенного строительства продолжают ооставаться наиболее спорными. Наша работа является первой попыткой показать возможности топонимики в этой области и, если что-то удалось, можно порадоваться за эту молодую науку.

Абдимуратов К., 1970. Почему так названо? Нукус.

Бартольд В.В., 1927. История культурной жизни Туркестана. Л..

Генко А.Н., 1930. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов АН СССР. Т. 5. Л.

Кобычев В.П., 1973. Язык есть нем // Советская этнография. №4.

Крупнов Е.И., 1939. К истории Ингушетии // Вестник древней истории. №2.

Крупнов Е.И., 1971. Средневековая Ингушетия. М.

Мальсагов З.К., 1936. Грамматика ингушского языка. Со сборником ингушских слов. Грозный.

Марковин В.И., 1969. В стране вайнахов, М.

Мартиросиан Г.К., 1928. Нагорная Ингушетия. Владикавказ.

Мурзаев Э.М., 1974. Очерки топонимики. М.

Розенфельд А.З., 1951. Qal'a (Kala) - тип укрепленного иранского поселения // Советская этнография. №1.

Семенов Л.П., 1963. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный.

Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Ужахов М.Г., 1927. Ингушско-русский словарь. Владикавказ.

Чокаев К.З., 1964. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, социологии и филологии. Т. 9. Грозный.

Щеблыкин И.П., 1928. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. / Известия Ингушского научно-исследовательского института искусства и краеведения. Вып. 1. Владикавказ.